

«Нулевые», Лев Гринкруг и навигация эпох. К 30-летию Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема

Для меня так называемое нулевое десятилетие началось напряженной работой над докторской диссертацией, ее защитой и участием в очередном неформатном для нашей системы проекте — «Развитие образования в России».

Опасно болел Сурнин, и это, конечно, серьезно сказывалось на работе вуза. В середине «нулевых» он ушел из жизни, и с ним ушла эпоха Биробиджанского пединститута. Начиналось что-то новое. Начиналось со скандалами, расколом коллектива, открытием уголовных дел, но — начиналось.

В 2006 году в вуз пришел новый ректор, Лев Гринкруг, до этого результативно работавший в Комсомольске и в Хабаровске. Он принес с собой неповторимый стиль руководства. Если кратко, то его стиль выражается формулой «мы постоянно должны делать невозможное» — *per fas et nefas* (одно время я хотел предложить именно такой девиз к нашему вузовскому гербу, но потом склонился к нынешнему, евангельскому). Он был трудоголик и коммуникатор. Несмотря на явно избыточный вес, был очень подвижен.

Сейчас даже его образ начинает растворяться в дымке времени, но современный Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема и его успешная администрация — его детище. Это можно разглядеть даже через дымку.

Его властность была чисто деловой: он никогда не практиковал власть ради власти, хотя и любил власть. Тогда я работал в администрации вуза, и мне были видны разные стороны этой личности, в том числе не самые светлые, но рабочий азарт и прирожденная деловитость нового ректора компенсировали все. У него были как оголтелые ненавистники, так и бескорыстные симпатизанты. Уже это говорит о многом: только настоящая личность порождает такой метеоритный пояс.

Он задал несколько руководящих параметров в работе. Один из них был таким — ты можешь работать в меру своих способностей («у нас нет других людей»), но ты не должен быть равнодушен к работе. Добросовестное и внимательное отношение к делу ценилось им выше всего остального. По этому принципу он отбирал людей в ректорат, по этому принципу он жил. При этом он мог быть довольно циничен по отношению к тем, кто казался ему человеческим отвалом. Здесь он мог быть даже безжалостным и бывал таким.

Он был увлечен всем, что связано с политическим и административным ресурсом. Как бы между делом, но всегда с интонационным подчеркиванием, он говорил: у меня сегодня прием у губернатора. Каждый раз, когда — уже после его ухода — в области и в городе происходили сюжетные перестановки во власти, я вспоминал о нем и представлял, с каким оживлением он бы комментировал происходящее и завязывал новые связи: это была его любимая песочница. Он вообще любил игру и коллекции: брелоки, колокольчики.

В его облике, если владеть соответствующими ассоциациями, было нечто подчеркнуто историческое, что-то напоминающее римского нобилия эпохи принципата (такой несколько семитизированный образ повзрослевшего Каракаллы, — кстати, финикийца в предках, т.е. семита). И в характере было нечто похожее, пригодное для Светония...

Тот, кто не находит сегодня для Гринкруга доброго слова, часто просто не понимает логики его действий. Например, его часто упрекают за то, что он волевым решением прекратил наборы на идиш. Это грустная ошибка. Эти наборы прекратились по совершенно объективной причине: не было спроса на специалистов по идишу, не было желающих изучать этот язык. Фактически он шел в довесок к английскому. Гринкруг честно пытался спасти эту специальность, неоднократно поднимал вопрос о заказе на идишистов со стороны правительства области — все напрасно.

Кстати, летние школы идиша в Биробиджане и издание уникальных сборников «Мизрех: иудаика на Дальнем Востоке» (инициатор и научный редактор Борис Котлерман) — это его заслуга. А теперь некоторые люди из правительства, которые в свое время палец о палец не ударили, чтобы спасти идиш как язык образования, а не только как язык официальных вывесок, упрекают его. Что можно сказать об этом? Врач — исцелись сам.

В эпоху Гринкруга вуз стал университетом. На самом деле университетом он постепенно начинал быть и раньше, но попробуй объяснить это таксистам и чиновникам Минобразования... В 2011 году, когда произошло присвоение вузу вида «университет», мы поднялись на высшую точку проектного развития организации. Эта высшая точка была колющим проникновением в еще не освоенное пространство. Его освоением мы занимаемся до сих пор с переменным успехом, но все же пока с успехом. Во всяком случае, мне так кажется (где там левое плечо).

Вот один из выразительных эпизодов поведенческого стиля этого человека и его настоящих, а не дарвиновских ценностей. Однажды мы с ним были в Хабаровске, и он попросил меня задержаться, чтобы он успел сделать какие-то коммунальные платежи. Почему-то он не мог или не умел тогда сделать их онлайн. (Он вообще вступал в отношения с компьютером в основном по поводу преферанса.) В конторе была предсказуемо длиннейшая очередь, и я спросил: а нельзя ли потом. И выслушал по этому поводу маленькую речь.

Он сказал тогда: «Видишь ли, я не задерживаю коммунальных платежей по одной причине. Представь себе, что от этих денег, а это так, зависит не только закупка матчасти, но и зарплата, то есть в конечном счете пустой рот какого-нибудь младенца. Представил? А теперь не заплати. А ведь от платежей еще и экономика зависит, Это как кровеносные сосуды». Про экономику я забыл, про младенца помню. Не то чтобы я это до него не понимал, но у него убедительно получилось сказать про это. Я ведь литературовед, ценю хорошую, взвешенную экспрессию. А в его случае — стиль.

Среди его постоянных речений было выражение «еще раз». Так он говорил, когда исчерпывал другие возможности убедить собеседника. Произносил отчетливо и даже по-своему дружелюбно, при этом гипнотически глядя в глаза: «Еще раз...» У него, как правило, получалось убеждать.

С ним было интересно ездить в командировки. Это было зрелище тореро, внимательно и хищно следящего за надменными движениями вечно набычившегося московского бюрократа. И чаще всего он знал, как правильно сделать муэрте.

Вечерами он расслаблялся под стакан пива и говорил о чем угодно: о своей любимой гидромеханике, о судовых турбинах, о политике, о том, что «если не ты, то тебя», и о сотне других вещей. Особенностями его элитной хабаровской квартиры были пустой

холодильник и большая библиотека — тысячи томов в картонных коробках, которые он так и не разобрал после переезда из Комсомольска.

Лев Соломонович был лоялист, более того: государственный. И тем не менее однажды он сказал: «В России интересно жить и работать, но пока что как-то безнадежно». Если о безнадежности говорил человек его темперамента, значит, даже ему было невмозможу. Любой, кто руководил бюджетным предприятием или был работником такого предприятия во второй половине «нулевых», помнит постоянное нарастание имитационных практик: гладкость бумажных дел начинала цениться превыше всего.

И все же: вуз хорош тем, что в аудитории ты не можешь имитировать. Имитаторы или не задерживаются в аудитории, или превращают ее во что-то иное — как правило, в пространство головлевского пустопорожнего словоблудия (бывали такие примеры, и очень показательные, но, к счастью, они никогда не делали погоды в нашем вузе, насколько я в курсе; первого отъявленного, конченого словоблуда вынудили уйти еще в годы первого набора: студенты настояли).

Гринкруг ушел из жизни в начале июня 2014-го, но до последних дней был на связи, работал. В частности, мне он позвонил в последней декаде мая по какому-то рабочему вопросу, связанному с издательством. Сразу после известия о его смерти я зачем-то набрал его номер и пережил довольно сильное мистическое ощущение: на том конце после вызова вдруг наступила тишина, из которой возник низкий голос, речитативом, с одышкой, сообщивший, как у Шуберта с Булгаковым, что-то вроде «голые скалы — мой приют». Вероятно, это был какой-то сбой. Я поспешил оборвать связь.

Сурнин и Гринкруг — два совершенно разных стиля управления, которые ознаменовали молодость вуза и первую эпоху его зрелости. Сейчас мы живем и работаем в какой-то третьей эпохе, которая длится и не собирается кончаться, опровергая свою этимологию. И пусть. Эпохи не должны уподобляться перестуку вагонных колес.

Во всяком случае, для нынешней эпохи еще рано искать летописца. Она, эта эпоха, подобна навигационному мостику, потому что позволяет ясно различать и отчетливый кильватерный след, и дымчатый горизонт. И почувствовать перемены погоды, которая отчетливо свежеет.

Коллектив вуза за прошедшие три десятилетия существенно изменился. Из тех, кто начинал в 90-е, остались единицы. Это нормально. Это как священный отряд, всегда обреченный на славный и неминуемый уход. Уходить, так с памятью.

Деревья университетского сквера, которые я помню саженцами, уже выросли выше верхнего этажа главного корпуса. Эти лиственницы, ели, ясени, амурская сирень и маньчжурские орехи были свидетелями ежегодных сентябрьских линеек, майских последних звонков, летних выпускных вечеров. Эти свидетели не забыли ничего, в отличие от нас, свидетелей пристрастных и забывчивых.

Но у нас перед деревьями есть одно преимущество: мы способны спросить «кто мы, откуда, куда идем». И даже привычная вариативность ответов, подчас исключающих друг друга, не делает эти вопросы неуместными или никчемными. Пока мы способны их задавать, мы еще здесь, по эту сторону существования.

Автор: Павел Толстогузов